

В.Е. Гимпельсон

Центр трудовых исследований НИУ ВШЭ, Москва

Р.И. Капелюшников

ИМЭМО РАН, Центр трудовых исследований НИУ ВШЭ, Москва

Российская модель рынка труда: испытание кризисом

Сложившийся в России в начале 1990-х годов нестандартный режим адаптации рынка труда к шокам разной природы получил неофициальное название «российская модель». Ее особенность – в доминировании ценовой адаптации над количественной, т.е. сочетание сильной реакции со стороны оплаты труда и слабой – со стороны занятости. Повышенная гибкость оплаты амортизирует негативные шоки, тем самым защищая занятость и сдерживая рост безработицы. В условиях позитивных шоков она дает значительный рост заработной платы при практически неизменной численности занятых. В основе такого приспособления лежит определенная институциональная конфигурация, отличающая российский рынок труда.

Такой тип приспособления отчетливо проявлялся в России все 1990–2000-е годы, хотя в кризис 2008–2009 гг. он был выражен несколько слабее. Возникает вопрос, как поведет себя российский рынок труда в ходе нынешнего кризиса. Увидим ли мы сильное падение занятости, сочетающееся с ростом безработицы, или опять оплатим кризис своей заработной платой, зато сохранив рабочие места?

Ключевые слова: безработица, рынок труда, кризис, Россия.

Классификация JEL: E32, J01, J64, J68.

Возникновение серьезных трудностей в российской экономике неизменно сопровождается апокалипсическими пророчествами относительно возможного роста безработицы. Так было и в 1991–1992, и в 1998–1999, и в 2008–2009 гг. (Например, в кризис 2008–2009 гг. не редкостью были предсказания о неизбежном скачке безработицы до 15%!) Не стало исключением и то, что мы видим и слышим сегодня. И хотя на сей раз аналитики предпочитают не рисковать и не называть конкретные устрашающие цифры, общая тональность большинства комментариев оказывается отчетливо алармистской. Из них следует, что в сфере занятости непременно должно случиться что-то ужасное, хотя не очень ясно, что именно. Этот алармизм впрямь тем более удивителен, что до сих пор ни один из ключевых индикаторов рынка труда – ни уровни общей и регистрируемой безработицы, ни характеристики неполной занятости, ни показатели наймов и увольнений, ни количество вакансий – не указывают на приближающийся шторм. По историческим меркам их значения продолжают оставаться весьма благоприятными, и это – несмотря на то что российская экономика уже достаточно давно пребывает в состоянии стагнации, т.е. в режиме околонулевых или отрицательных темпов роста. Многим такое воспроизводство низкой безработицы в России кажется труднообъяснимым парадоксом, а нам – почти закономерностью. Наш основной тезис заключается в том, что обратная зависимость между динамикой ВВП и динамикой безработицы

предполагает определенный набор институтов рынка труда, транслирующий экономический рост в новые рабочие места, а спад – в безработицу. Если национальные институты устроены иначе, то эта связь может оказаться слабой или вообще еле просматриваться. В развитых странах она проявляется в полной мере, а в менее развитых адаптация на рынке труда может происходить посредством альтернативных механизмов (Khanna, Newhouse, Paci, 2011). Именно со спецификой действующих институтов, по нашему мнению, связаны основные парадоксы российской безработицы, а не с особой российской ментальностью или с патернализмом работодателей, и тем более – не с удивительной эффективностью проводимой на рынке труда политики (Капелюшников, 2001, 2009; Gimpelson, Lippoldt, 2001; Gimpelson, Kapeliushnikov, 2011).

Прогнозы – дело неблагодарное...

Попробуем разобраться, каких же изменений – или, возможно, даже потрясений – можно ожидать на российском рынке труда в ближайшее время. В конечном счете, все будет зависеть от *развития* ситуации в экономике, а она до сих пор остается далеко не ясной, о чем свидетельствует огромный разброс прогнозных оценок предстоящего падения ВВП. Если экономика будет продолжать балансировать на грани стагнации, то никаких серьезных изменений на рынке труда, скорее всего, не будет. Если рецессия окажется неглубокой и относительно короткой, то и основные его индикаторы из

меняться слабо. Если, например, оправдается официальный прогноз падения ВВП в 2015 г. на 3%, то никакого резкого скачка безработицы мы не увидим. Безработица может немного подрасти, но в любом случае будет оставаться низкой. (Напомним, что в начале 2015 г. она находилась на отметке 5,5% – лучший январский показатель за всю историю статистических наблюдений; к марту 2015 г. она выросла до 5,9%, но все равно была для этого времени года низкой по историческим меркам.)

Более или менее серьезного ухудшения положения на рынке труда можно ожидать только в случае действительно сильного и продолжительного экономического спада. Но даже в случае мощного шока (например, падения ВВП на 6–7%) ситуация на рынке труда, скорее всего, будет оставаться относительно благополучной. Почему? Можно назвать несколько причин.

1. Институциональная конфигурация рынка труда, позволяющая гибко адаптироваться издержкам на труд, пока сохраняется. Здесь в одном направлении работают разные институты, дополняя друг друга. Это проявляется в наличии значительной переменной части заработков (различных премий, доплат, бонусов), в отсутствии эффективной системы помощи безработным (соотношение среднего пособия к средней заработной плате составляет менее 10%), неполной индексации заработной платы в условиях высокой инфляции.

2. Значительные масштабы неформальной занятости, когда неформальные рабочие места (а они, по оценкам Росстата, составляют около четверти всех рабочих мест в экономике) абсорбируют высвобождающийся труд, пусть даже ценой более низких и менее устойчивых заработков.

3. В нынешних условиях повышение безработицы началось с очень низкого старта, так что даже ее значительный рост (в случае глубокого спада экономики) не выведет на уровень высоких показателей. Скорее всего, она окажется значительно ниже, чем, например, в разгар кризиса 2008–2009 гг.

4. Низкому старту способствовал постепенный дрейф естественной нормы безработицы в сторону ее снижения, который происходил в последние годы. В силу демографических причин доля групп с высоким риском безработицы (например, молодежи и лиц без образования) в рабочей силе устойчиво снижалась, а доля групп с низким риском безработицы (например, обладателей вузовских дипломов) – возрастала. По оценкам, этот дрейф мог привести к снижению естественной нормы безработицы примерно на 1,5 п.п.

5. Уже начался (пока еще, правда, едва заметный) процесс сокращения предложения труда, измеряемого численностью экономически активного населения. Эта тенденция также будет противодействовать росту безработицы.

Все эти обстоятельства действуют против роста безработицы, поддерживая занятость.

Можно сделать приблизительный расчет того, что произойдет при падении ВВП на 6%, т.е. при наиболее пессимистической оценке экономических перспектив на 2015 г. Если предположить обычную для российского рынка труда степень чувствительности динамики занятости к динамике ВВП, а именно эластичность порядка 0,25–0,33%, это будет означать рост безработицы примерно до 7%.

Конечно, отсюда не следует, что факторов, которые могли бы безработицу подстегнуть, нет совсем. И один из наиболее существенных – полная неопределенность будущего. Российская экономика все больше становится заложницей политики и геополитики, а в таком случае экономические агенты не знают, что можно ожидать даже в ближайшей перспективе. Неопределенность ситуации влияет не только на инвестиционные решения, но и на текущие решения о найме и увольнении работников. В этих условиях для многих бизнесов минимизация численности персонала может стать оптимальной долгосрочной стратегией.

Секторальный срез

Как видится ближайшее будущее российского рынка труда в секторальной перспективе? Конечно, точный прогноз здесь вряд ли возможен, но рассуждения сценарного типа приводят к следующим выводам.

Два главных шока, обрушившихся на российскую экономику в 2014 г., – обвальное падение мировых цен на нефть и резкое падение курса рубля. Какие сектора оказались в результате этого в наиболее, а какие – в наименее уязвимом положении? В первом приближении ответ можно получить, выделив две большие группы секторов – рентосильночувствительные и рентослабочувствительные. Когда мы говорим о рентосильночувствительных секторах, то имеем в виду не только те виды экономической деятельности, которые ренту непосредственно генерируют и являются ее первыми получателями (добывающие отрасли, включая оптовую торговлю и транспортировку соответствующей продукции), но и те, куда она затем просачивается, формируя там потребительский спрос (зарубежный туризм, внешняя торговля, розничная торговля (особенно люксовыми товарами), ресто-

раны, банковские услуги, операции с недвижимостью, отчасти – строительство и производство автомобилей). Соответственно, рентослабочувствительные сектора составляют прежде всего сельское хозяйство и обрабатывающая промышленность (во всяком случае, основная их часть). В качестве особого случая можно указать на бюджетный сектор: хотя спрос на услуги отраслей бюджетной сферы не определяется непосредственно рентными доходами, однако оплата труда в них находится в прямой зависимости от величины доходов, перераспределяемых через налоговую систему. Эту зависимость в начале 2015 г. многие российские бюджетники почувствовали на себе.

Шоки, обрушившиеся на российскую экономику в 2014 г. – начале 2015 г., поразили прежде всего рентосильночувствительные сектора и в то же время создали даже некоторые – возможно, временные преимущества для рентослабочувствительных секторов. Соответственно, наибольшие риски сильного сокращения спроса на труд (снижения занятости, сокращения рабочего времени и заработной платы) характерны для первых, тогда как вторые, скорее всего, будут сохранять определенный иммунитет к кризисным явлениям.

Значительная часть занятости рентосильночувствительных секторов приходится на рыночные услуги и строительство. А для них типичны слабый информент трудового законодательства, высокая степень гибкости оплаты труда и активное развитие неформальных трудовых отношений. Все эти факторы должны облегчать адаптацию к шокам и делать ее менее болезненной. Таким образом, секторальный подход также подводит к выводу, что даже в случае глубокого экономического спада вероятная реакция рынка труда будет сглаженной и очень умеренной.

Способы приспособления

Более интересным нам представляется обсуждение другого вопроса, в каких формах рынок труда будет адаптироваться к кризисным явлениям в экономике. Напомним, что в российских условиях подстройка к негативным шокам до сих пор осуществлялась не вполне стандартным способом. Рынок труда реагировал на них не столько ростом безработицы, сколько сокращением продолжительности рабочего времени и снижением реальной заработной платы. Ценовая подстройка, как правило, преобладала над количественной (во всяком случае, не уступала ей по своему значению). Даже в 2008–2009 гг., когда государство предприняло большие усилия по поддержанию заработков, реакции со стороны рынка труда

при снижении ВВП почти на 8% разделились примерно поровну между сокращением занятости, снижением продолжительности рабочего времени (за счет широкого распространения различных форм неполной занятости) и падением реальной заработной платы.

Есть ли основания полагать, что на этот раз все будет по-другому и основной удар примет на себя занятость? На наш взгляд, это маловероятно, поскольку каких-либо радикальных изменений в механизме функционирования российского рынка труда в последние годы не отмечалось. Но это не значит, что подстройка к нынешнему кризису (если он все-таки перейдет в более острую форму!) будет точной копией событий 2008–2009 гг.

Какие же механизмы адаптации могут преобладать на этот раз? В кризис 2008–2009 гг. численность экономически активного населения не уменьшалась и оставалась практически неизменной. Это означает, что отток из занятости происходил почти исключительно в безработицу: потеряв работу, люди продолжали оставаться на рынке труда и сразу же приступали к поискам нового места. Однако за прошедшее с тех пор время в составе российской занятости значительно увеличилась доля работников предпенсионного и пенсионного возрастов, у которых связь с рынком труда относительно слабее. Не исключено, что в случае потери работы многие из них предпочтут вообще покинуть рынок труда. В таком случае мы можем ожидать, что отток из занятости под действием кризиса будет направляться не только в безработицу, но и в неактивность и, как следствие, приток безработицы окажется меньше, чем он мог бы быть при сохранении неизменной численности экономически активного населения, как это было в 2008–2009 гг.

Еще одно отличие нынешней ситуации от предыдущего кризиса – существование массивной подушки безопасности в виде сильно возросшего пула временных мигрантов. Это открывает возможность для сравнительно безболезненной кризисной адаптации за счет вымывания иностранной рабочей силы. Процесс ее выдавливания, похоже, уже начался; он будет способствовать стабилизации занятости отечественных работников и ограничивать рост безработицы среди них.

Некоторые комментаторы высказывают серьезную озабоченность заметным увеличением масштабов неполной занятости, якобы имевшим место в 2013–2014 гг. Они опасаются, что по мере нарастания кризисных явлений неполная занятость вырастет еще больше и рано или поздно перейдет в высокую открытую безработицу. Однако при ближайшем рассмо-

трени выясняется, что это недоразумение, основанное на некорректной интерпретации официальных оценок, публикуемых Росстатом. Дело в том, что начиная с 2013 г. Росстат стал использовать иную методику измерения неполной занятости. Если в 2009–2012 гг. ее замеры производились ежемесячно, то теперь – раз в квартал; если раньше они охватывали менее двух третей всех работников, занятых в секторе крупных и средних предприятий, то теперь – весь этот сектор полностью. С учетом соответствующих поправок видно, что в действительности уровень неполной занятости в последние годы не увеличивался, а последовательно уменьшался, а его динамика была параллельна динамике безработицы.

Следует напомнить, что на кризисные потрясения 2008–2009 гг. предприятия сразу же ответили резким увеличением неполной занятости – переводами работников на неполное время и отправкой их в вынужденные отпуска. Пока же ничего похожего не наблюдается. Скорее всего, в нынешних условиях подобный механизм адаптации будет задействован не так активно, как раньше. Отчасти это можно связать с тем, что текущие экономические трудности пока слабо затронули промышленность, где издержки увольнений выше, а потому предприятия традиционно склонны решать проблемы избыточности персонала, перевода работников на неполное время и отправляя их в вынужденные отпуска.

В то же время механизм ценовой подстройки (за счет снижения оплаты труда) на этот раз будет, по-видимому, задействован намного активнее, чем в 2008–2009 гг.

Во-первых, инфляция в 2015 г. развивается по более высокой траектории, чем в 2009 г. Это облегчает автоматическое снижение реальной оплаты труда работников при отказе от индексирования номинальных ставок заработной платы. Во-вторых, накануне предыдущего кризиса государство (ожидая бума, а не спада) предприняло активные шаги, направленные на повышение заработной платы. Так, был практически удвоен минимальный размер оплаты труда и увеличена (на 15%) заработная плата работников бюджетного сектора, что поддержало уровень заработной платы.

Сейчас, похоже, возобладала противоположная установка. Судя по заявлениям официальных лиц, на этот раз резко повышать минимальную заработную плату никто не собирается. Взят курс на отказ от индексации номинальной заработной платы или на ее индексацию в минимально возможной степени. И более того, была развернута кампания по снижению на 10% номинальной заработной платы среди

работников государственного сектора: все началось с высших должностных лиц государства, но постепенно эта инициатива стала захватывать и более низкие этажи должностной иерархии. Не исключено, что пример окажется заразительным и в процесс снижения номинальных ставок заработной платы включатся также многие предприятия частного сектора.

Наконец, финансовая ситуация большинства предприятий оставляет мало возможностей для повышения номинальной оплаты труда.

В итоге падение реальной оплаты труда, скорее всего, окажется намного сильнее, чем в предыдущий кризис. Данные на начало 2015 г. это подтверждают (за первый квартал этого года реальная заработная плата снизилась более чем на 8%). Снижение цены труда будет сдерживать рост безработицы и способствовать поддержанию спроса на рабочую силу на более высокой отметке.

Еще одна мера, которая была задействована в 2008–2009 гг. и о которой не вспоминают сейчас, – увеличение пособий по безработице и облегчение доступа к их получению. Эффект небольших выплат по безработице заключается в том, что пребывание в рядах безработных и существование за счет пособий оказывается в таком случае малопривлекательной перспективой. Это дестимулирует приток как в регистрируемую, так и в общую безработицу, но подстегивает отток из рядов безработных.

Особый вопрос – перспектива массовых задержек заработной платы. В 1990-е годы страну поразила эпидемия таких задержек. Сейчас некоторые аналитики высказывают опасения, что установление Центробанком высокой ставки рефинансирования может привести к резкому ухудшению финансового положения многих предприятий, и из-за этого они будут вынуждены наращивать задолженность по заработной плате. Отсюда – ожидания широкого распространения невыплат. Это, конечно, вполне вероятный сценарий, но здесь будет полезно вспомнить, что происходило с задержками заработной платы в кризис 2008–2009 гг. Тогда задолженность по оплате труда сильно выросла (на 60–70%), но поскольку ее рост происходил с крайне низкой исходной отметки, никаких скольких-нибудь серьезных проблем это не создало (Капелюшников, 2009). Согласно последним доступным данным, сейчас задержками заработной платы охвачено примерно 0,3% работников обследуемых Росстатом секторов экономики. Даже если допустить, что объем задолженности по заработной плате вырастет втрое, это будет означать, что невыплаты

коснутся лишь 1% работников – совершенно не критичная величина, если сравнить с ситуацией конца 1990-х годов. К этому следует добавить, что в сегодняшних условиях за несвоевременную выплату заработной платы предприятиям грозят настолько суровые санкции, что большинство из них готовы прибегать к ее задержкам лишь в самых крайних случаях.

«Спасение утопающих – дело...»

В конце января 2015 г. правительство приняло антикризисную программу в области занятости, во многом повторяя меры, действовавшие в предыдущий кризис. Как и тогда, центральным пунктом оказывается субсидирование неполной занятости. Есть веские аргументы для сомнений в эффективности подобных мер в кризис 2008–2009 гг. (Капелюшников, 2009). В нынешних условиях этот подход выглядит еще более проблематично. Тогда государство шло вслед за предприятиями, которые еще до всякого государственного вмешательства начали активно переводить работников на неполное время и отправлять их в вынужденные отпуска, считая этот механизм адаптации в создавшихся условиях для себя оптимальным. Программа государства лишь облегчала им его использование. Но сейчас, как мы отмечали выше, нет явных признаков того, что предприятия склонны активно применять этот механизм. Это означает, что государство собирается, по сути, навязывать предприятиям различные формы неполной занятости, в которых те не очень-то и нуждаются.

Так в чем же проявляется роль правительства в предотвращении безработицы? Как мы отмечали выше (и в наших более ранних работах), низкая безработица в России – спонтанный итог функционирования целой системы взаимосвязанных институтов и поведенческих практик, сформировавшихся во многом стихийно как реакция адаптации на законы, меры регулирования, рыночные ограничения, которые предпринимались всеми ветвями власти. В последнее время государству помогают и демографические тенденции. Но это – меньше всего является заслугой правительства. Наоборот, власти в последние годы много трудились, чтобы разрушить или заблокировать механизмы адаптивной гибкости, но – то ли не успели, то ли не справились...

Заключение

Подводя итог, повторим: у нас действительно сохраняются низкие показатели безработицы, и, по-видимому, ее резкий всплеск в обозримой перспективе российской экономике не грозит. Есть ряд институциональных

и структурных факторов, которые крайне эффективно помогают нашему правительству обеспечивать стабильность на рынке труда. Однако не все здесь сводится к безработице. Надо думать не только о ней, но и о том, как сделать так, чтобы российские граждане имели доступ к современным, высокопроизводительным и хорошо оплачиваемым рабочим местам, где будет востребован имеющийся человеческий потенциал. Для этого должны активно создаваться и мощным потоком поступать на рынок новые рабочие места. А с созданием новых рабочих мест все последние годы были большие проблемы – вне зависимости от уровня безработицы, и перспективы их создания при нынешней политике остаются по-прежнему туманными.

ЛИТЕРАТУРА

- Капелюшников Р.И.** (2009). Конец российской модели рынка труда. М.: Фонд «Либеральная миссия».
- Капелюшников Р.И.** (2001). Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.
- Gimpelson V., Kapeliushnikov R.** (2011). Labor Market Adjustment: Is Russia Different? IZA Discussion Paper No. 5588. Bonn: IZA.
- Gimpelson, V., Lippoldt D.** (2001). The Russian Labour Market: between Transition and Turmoil. L.: Roman & Littlefield.
- Khanna G., Newhouse D., Paci P.** (2011). Fewer Jobs or Smaller Paychecks? Aggregate Crisis Impacts in Selected Middle-Income Countries. IZA Discussion Paper No. 5956. Bonn: IZA.

REFERENCES (with English translation or transliteration)

- Gimpelson V., Kapeliushnikov R.** (2011). Labor Market Adjustment: Is Russia Different? IZA Discussion Paper No. 5588. Bonn: IZA.
- Gimpelson, V., Lippoldt D.** (2001). The Russian Labour Market: between Transition and Turmoil. L.: Roman & Littlefield.
- Kapeliushnikov R.I.** (2001). The Russian Labor Market: Adjustment without Restructuring. Moscow: National Research University Higher School of Economics (in Russian).
- Kapeliushnikov R.I.** (2009). The End of the Russian Model of the Labour Market? M.: Foundation “Liberal’naya missiya” (in Russian).
- Khanna G., Newhouse D., Paci P.** (2011). Fewer Jobs or Smaller Paychecks? Aggregate Crisis Impacts in Selected Middle-Income Countries. IZA Discussion Paper No. 5956. Bonn: IZA.

Поступила в редакцию 29 апреля 2015 года

V.Ye. Gimpelson

National Research University Higher School of Economics, Centre for Labour Market Studies, Moscow, Russia

R.I. Kapeliushnikov

Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; National Research University Higher School of Economics, Centre for Labour Market Studies, Moscow, Russia

The Russian Labour Market Model: Trial by Recession

Non-standard way of labour market adjustment that evolved in Russia in the 1990-es was dubbed “the Russian Model” by some observers. Its main feature is domination of price adjustment to shocks over quantity adjustment. Saying that differently, this is the peculiar combination of wage flexibility and employment rigidity. Downward wage flexibility allows absorbing negative shocks, thus protecting employment. Positive shocks lead to large wage growth but add little to employment. This adjustment model is based on a peculiar mix of labour market institutions.

This type of adjustment was at work during the 1990-es and 2000-s, though less distinctly during the crisis of 2008–2009. In this article we question how the Russian labour market is likely to react to the current crisis. Will we face strong contraction of jobs and consequent rise in unemployment, or will pay again by our earnings but thus saving jobs?

Keywords: *unemployment, labor market, recession, Russia.*

JEL Classification: E32, J01, J64, J68.

Л.С. Ржаницына

ИЭ РАН, Москва

Журнал НЭА,
№2 (26), 2015,
с. 254–259

Модель социальной политики в новых экономических условиях (основные принципы)

Новая модель социальной политики требует определения базовых характеристик и принципов в управлении и экономике. При этом главное – не только актуальные, но и комплексные решения, так как система включает идеологию, право, организацию, финансирование, кадровое обеспечение, наконец, основное звено, ухватившись за которое можно вытащить всю цепь процессов. Сейчас самое важное – честное определение проблем, путей улучшения управления, децентрализация, разгосударствление, новые формы участия общества в финансировании социальных услуг. Опасность заключается во внешней простоте мер социальной политики, так как каждый гражданин – это и ее объект, и ее участник (он получает доход, пенсию, платит за квартиру, покупает товары, лечится, получает образование, посещает учреждения культуры). В действительности же принятие решений в социальной области требует научных знаний, ознакомления с опытом, умения оценивать последствия.

Ключевые слова: *социальная политика, государственно-социальное партнерство, социальное управление.*

Классификация JEL: H41, H55, I3.

1. Определение социальной политики

Сложность стоящей перед нами задачи требует обсуждения сущностных положений темы, тем более что она обычно раскрывается в силу своей актуальности как событийная и иллюстративная. В данной статье автор попыталась отойти от подобного подхода и высказаться именно по ряду основополагающих, модельных позиций настоящего проекта.

Нередко рассматриваемая нами тема связывается с ее внешней конструкцией, понятием «социальная сфера». Но, по мнению автора, социальная политика это – функция государства, обеспечивающего законодательное установление прав и гарантий населению в области уровня жизни. Такие права и гарантии должны отражать реально сложившиеся потребности населения, фундаментальные